

из одного стихотворение в другое, переплетаются, образуя смысловое единство художественного мира И. Кормильцева и очерчивая творческое кредо группы, исполнявшей его тексты.

Среди образов времени очень явно прослеживается субъективное время (по терминологии А.Б. Есина [5. С. 37]), раскрываемое через мотив детства. Детство, в свою очередь, смыкается с грёзой, сном. Подобно тому, как в мире детства не действуют взрослые законы и взрослая логика, сон – это эскапистский рай, возможность на время сбежать от действительности.

Обращение ко сну, привлечение того, что снилось, как элемента сюжетостроения, столкновение сна и реальности оказываются очень важными, поскольку происходящее во сне утверждается как высшая реальная сущность. В этом отношении особенно показательны стихотворение «Христос». С одной стороны, Христос, который ходит по земле, близок образу павшего ангела, который не приспособлен к земной жизни и ищет защиты: «мне снилось – он мне позвонил, / когда искал приют, / и безразлично обронил, / что здесь его убьют» (с. 353). С другой – образ Христа близок образу брошенного ребёнка, беспризорного подростка: «он пил вино в подъезде со шпаной» (там же). При этом всё происходящее видится лирическому субъекту во сне, где привычная действительность расширяется, вбирая в себя урбанистический хронотоп вместе с мифологическим. При этом Христос, несмотря на то, что сам нуждается в защите, должен дать её людям. Все люди мыслятся как божьи дети, лишённые крова, поскольку сам источник их безопасности «не находит слов» для них, он сам – словно потерявшийся ребёнок: «проснулся я и закурил / и встал перед окном / и был весь опустевший мир – / один сиротский дом» (там же).

Образы детства и детей в лирике И. Кормильцева амбивалентны и вступают в противоречие с общепринятым пониманием детского, выстраивая совершенно иную цепочку ассоциаций. Детство в традиционном понимании – это беззаботная, счастливая пора жизни, оно ассоциируется с невинностью, радостью, непосредственностью, чистотой. У поэта детство – это безвременье. Детство связывается с грехом, похотью, причём не направленной на ребёнка, а исходящей от него: «папа щиплет матрасы мама точит балясы / под дикий рев мотоциклов детей / они смотрят программы отмеряя стограммы / пока дети приводят блядей» (с. 285). Мир детства перевернут, что сближает его с состоянием безумия, юродства. В «Музыке на песке» поэт обыгрывает известную легенду о Гамельнском Крысолове, но место загадочного крысолова занимает ребенок: «строит замки из песка / крутит пальцем у виска <...> / мы спешим за ней, как крысы /и скрываемся в прибой» (с. 304). В стихотворении «Наша семья» ребёнок выступает в роли «машины, которая всех нас раздавит» (с. 241).

По точному замечанию Е.А. Козицкой, рассматривавшей рецепцию детского мифа в текстах «Наутилуса», «мотивы греха, жестокости, определенной или неопределенной опасности, исходящей от детей, могут сочетаться и с мотивом смерти» [8. С. 187], вплоть до сравнения несущего смерть персонажа с ребёнком. Субъект стихотворения «Нежный вампир» сравнивается с ребёнком и вампиром одновременно: «целовать тебя власть <...> как невинный младенец, / как нежный вампир» (с. 400), а в конце текста он же объявляется жертвой: «как агнец на закланье / я явился к тебе» (там же).

Стихотворение «Боксёр» написано от лица подростка, находящегося между состояниями взрослого и ребёнка и болезненно рефлексирующего на тему своего взросления. Подросток пытается протестовать против насильственных законов взрослого мира, которые он только что обнаружил, но борьба с насилием может осуществляться только насилием. Субъект стихотворения оказывается втянут в этот порочный круг, где он является одновременно и жертвой, и насильником: «когда я кусался или портил игрушки / или выходил не спросив за порог / меня ставили в угол как ненужную куклу / я плакал пока я мог / но слёзы кончались, глаза высыхали / я падал на колени и молился кому-то / кто мог прекратить бесконечную пытку / взросления» (с. 307). При этом ребёнок не является носителем греха сам по себе, зачастую он – лишь отражение искаженного окружающего мира. Ребёнок в таком случае выступает в роли жертвы, иногда необходимой, искупительной. В стихотворении «Чёрные птицы», которое вводит космическое пространство в кормильцевскую поэзию, такой жертвой несовершенного миропорядка становится дочь лирического субъекта: «чёрные птицы из детских глаз / выключают чёрным клювом алмаз, / в чёрных алмаз унесут когтях, / оставив в глазах чёрный угольный страх» (с. 335). Мотив страданий во искупление грехов вводится через переосмысленные И. Кормильцевым библейских сюжетов. Это декларативно представлено в стихотворениях «Христос», «Мой брат Каин», «Эти реки», где под убийством трёх рыбаков подразумеваются крестные страдания, а детская тема присутствует через образ «божьей мамочки» (с. 338).

Вместе с тем библейские сюжеты появляются не только в связи с библейской темой. Зачастую они вторгаются в городской хронотоп, смещая акценты. Так, стихотворение «Три царя» сюжетно перекликается с текстом «Христос»: здесь также некие библейские персонажи оказываются в современном городе (в данном случае – в Москве), в пространстве которой степенность древнего текста сбивается ощущением опасности, грозящей из-за каждого угла: «три царя боятся шагов за углом – / они проникли нелегально в эту страну» (с. 396). Опасность, искажённость реальности современного города предстаёт в облике гротескных персонажей: «а слева – поп с пистолетом, / справа – в рясе бандит / а младенец в подвале, / младенец – он

спит / у младенца под носом / тараканьи усы» (там же). Первые два персонажа – поменявшиеся местами священнослужитель и разбойник: и тот, и другой органично существуют в библейском пространстве, но в городе они меняются атрибутикой и их роли перепутываются, поэтому и от первого, и от второго исходит угроза. Третий персонаж – уже знакомый читателю по другим текстам младенец с демоническими чертами. Согласно библейскому сюжету младенец и является целью путешествия трёх царей, но в этой реальности сам смысл их существования в рамках текста оказывается подменной. В четвёртой строфе вместо Бога-Отца появляется Князь тьмы, ведь только в его мире на месте младенца-Иисуса может оказаться существо с тараканьими усами: «чёрный князь приходит с охраной в кабак / и пока вы не откажетесь лизать ему зад, / всё на свете будет, ребята, не так» (там же).

Мир сна зачастую является пространством откровения, поэтому он насыщается мифологическими и религиозными параллелями. Сам И. Кормильцев называл эти отсылки «архаикой», говоря, что архетипичные образы кажутся ему наиболее откровенными. Библейские параллели задействуются для объяснения современных реалий. Евангельские мотивы отдельно рассматривались в статье А. В. Пугачёвой «“Эти реки” Ильи Кормильцева: опыт интерпретации» [14]. Прочитанные через библейский код, сюжет «Этих рек» рассматривается как сюжет об искажении Божественной природы человека, а художественный мир произведения – как антимир. Через библейские образы раскрывается трагический разлад внутреннего и внешнего мира.

Помимо противопоставления сна и реальности, мифологического (пророческого) и современного пространств, в хронотопе кормильцевских рок-текстов принципиально противопоставление верха и низа. Это разные смысловые и символические зоны и территории разных стихий. Стихии (огонь/пожар/ костёр, воздух/небо и небесные тела/время суток, вода/море/река/глубина) служат основными маркерами символического пространства. Статистические данные показывают, что наибольшее число контекстов в песенной лирике И. Кормильцева связано со словом «ночь»: 56 контекстов для основы «ноч*». Затем следуют образы неба и воздуха: 38 контекстов для основы «неб*» и 9 – для основы «возд*». Вместе с воздухом также часто встречаются и образы воды: 38 контекстов для основы «вод*» и только для неё, не считая таких слов как «река», «влага» и др., встраивающихся в тот же ассоциативный ряд. Отсюда становится ясным, что образы водной и воздушной стихии являются основными для кормильцевских текстов. Причём оппозиция «воздух–вода», дополненная образом ночи, создаёт картину первобытного хаоса, пространства условной вечности до начала времён.

Наиболее важным в поэтической системе И. Кормильцева становится значение воды как первостихии и одновременно бытия, всегда присутствующего, но скрывающегося за покровом повседневной человеческой реальности: этот своего рода тютчевский хаос, шевелящийся под покровом дня, – знаковый эквивалент вечности. Материализацией семы становится образ морского змея – персонификации первичного хаоса и одновременно грядущего возвращения в него человека: «морской змей морской, / обвивающий Землю, / мой змей / стану я, стану таким, стану я / после смерти опять» (с. 340).

Семантическое поле воды в творчестве группы “Наутилус Помпилиус” становилось объектом подробного анализа в статье Т. Г. Ивлевой «Вода, в которой плывёт NAUTILUS POMPILIUS». В ней исследовательница отмечает: «Непроясненность <здесь и далее в цитате курсив автора – А. А., О. М.> смысла человеческого бытия обуславливает трагическое восприятие лирическим героем NP первостихии – воды – с одной стороны, как колыбели человечества, с другой стороны, как враждебного ему хаоса, который неизбежно несёт гибель своему творению, давно отошедшему от его законов» [6. С. 126–127]. Таким образом, водное пространство являет собой и первородный хаос, первоисточник бытия и представляет опасность для цивилизованного мира, социума, к которому принадлежит лирический субъект. Водное пространство также может быть условно мифологическим или увиденным во сне. При этом стихии служат основным разделителем реального и фантастического, воображаемого пространства: их присутствие вырывает героя из бытового, обыденного мира, причём между закрытым (домом, квартирой) и открытым (воздушное пространство) существует конкретная граница: как правило, это окно, реже – дверь: «он вышел в окно с красной розой в руке / и по воздуху плавно пошел» (с. 370), «а небо украдкой смотрело на них / из-за высоких окон» (с. 368), «я знал одну женщину, / она всегда выходила в окно / в ее доме было десять тысяч дверей, / но она всегда выходила в окно» (с. 365). Подобное противопоставление верха/низа, открытого/закрытого пространств, неба/города, сна/реальности, мифологического/обыденного создаёт в художественном пространстве особую поэтику антиномий, характерную не только для творчества И. Кормильцева, но и для рок-поэзии в целом. В художественной системе антиномий отводится значительная роль оксюморонам и катахрезам, сочетанию нескольких стилевых пластов. С их помощью создаются парадоксальные образы и рисуется дисгармоничный, противоречивый мир. Например, в стихотворении «Взгляд с экрана» много подобных сравнений, да и само название уже парадоксально: экран – это то, на что смотрят, но здесь взгляд юной героини стихотворения сталкивается с взглядом её кумира, она сама становится объектом разглядывания.

Таким образом, хронотоп поэзии Кормильцева можно охарактеризовать эпитетом «многослойный»: он поделён на верх/низ, открытое/закрытое пространство, включает в себя реальное и воображаемое, грёзы, сон, видение. Через фантазийный мир, который в то же время оказывается более подлинным, даже пророческим, в обыденный мир проникает библейский культурный пласт. Образы времени и пространства обрисовываются через мотивы, связанные со стихиями огня, воздуха и воды.

Список источников

1. Быков Д. Л. Не в Перу // Кормильцев И. Поэзия. Москва, Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2017. С. 3–8.
2. Гавриков В. А. Свердловско-екатеринбургская музыкально-поэтическая школа // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 1 (172). С. 47–65.
3. Доманский Ю. В. Холм в русской лирике второй половины XX века (Л. Аронзон «Утро», Б. Гребенщиков «Сидя на красивом холме», И. Кормильцев «Люди на Холме») // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 88–94.
4. Дробинин Г. Д. Наш персональный Иисус, или феномен «Прогулок по воде» И. Кормильцева // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 351–363.
5. Есин А. Б. Время и пространство // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины : Учебное пособие. Москва : Высшая школа; Академия, 1999. С. 32–42.
6. Ивлева Т. Г. Вода, в которой плавёт NAUTILUS POMPILIUS // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Тверь : Тверской государственный университет, 2000. Вып. 4. С. 126–132.
7. Карасюк Д. История Свердловского рока. 1961–1991 года. От «Эльмашевских битлов» до «Смысловых галлюцинаций». Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2016. – 520 с.
8. Козицкая Е. А. Рецепции традиционных культурных мифов, «вечных образов» и сюжетов в современной русской рок-поэзии (на материале текстов группы «NAUTILUS POMPILIUS») // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Тверь : Тверской государственный университет, 2000. Вып. 3. С. 184–192.
9. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Тверь : Тверской государственный университет, 1998. Вып. 1. С. 5–33.
10. Корнеева Е. В. Система мотивов в альбоме группы «NautilusPompilius» «Крылья» // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Тверь : Тверской государственный университет, 2001. Вып. 5. С. 70–79.
11. Корнеева Е. В. Система мотивов в альбоме группы «NAUTILUS POMPILIUS» «Яблокитай» // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Тверь : Тверской государственный университет, 2000. Вып. 4. С. 132–138.
12. Кушнир А. И. Кормильцев. Космос как воспоминание. Москва : Рипол Классик, 2017. 256 с.
13. Нежданова Н.К. Некоторые особенности хронотопа в текстах песен группы «Nautilus Pompilius» // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Тверь : Тверской государственный университет, 2000. Вып. 3. С. 193–199.
14. Пугачёва А. В. «Эти реки» Ильи Кормильцева: опыт интерпретации // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов [электронный научный журнал]. Екатеринбург; Тверь, 2014. Вып. 15. С. 214–218.
15. NAUTILUS POMPILIUS: Введение в наутилосоведение. Москва : Терра, 1997. 400 с.

References

1. Bykov, D. L. (2017). Ne v Peru [Not in Peru]. *Kormil'tsev I. Poeziya* [Kormil'tsev I. Poetry]. Moscow, Ekaterinburg: Armchair scientist, 3–8. (In Russ.).
2. Gavrikov, V. A. (2018). Sverdlovsko-yekaterinburgskaya muzykal'no-poeticheskaya shkola [Sverdlovsk-Yekaterinburg School of Music and Poetry]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki* [News of the Ural Federal University. Series 2: Humanities], Iss. 20, 1 (172), 47–65. (In Russ.).
3. Domanskiy, YU. V. (2016). Kholm v russkoy lirike vtoroy poloviny XX veka (L. Aronzon «Utro», B. Grebenshchikov «Sidya na krasivom kholme», I. Kormil'tsev «Lyudi na Kholme») [A hill in Russian lyrics of the second half of the 20th century (L. Aronzon «Morning», V. Grebenshchikov «Sitting on a beautiful Hill», I. Kormil'tsev «People on the Hill»). *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 2, 88–94. (In Russ.).
4. Drobiniy, G. D. (2021). Nash personal'nyy Isus, ili fenomen «Progulok po vode» I. Kormil'tseva [Our Personal Jesus, or the Phenomenon of «Walking on Water» by I. Kormil'tsev]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 1, 351–363. (In Russ.).
5. Yesin, A. B. (1999). Vremya i prostranstvo [Time and space]. *Vvedeniye v literaturovedeniye. Literaturnoye proizvedeniye: osnovnyye ponyatiya i terminy : Uchebnoye posobiye* [Introduction to literary criticism. Literary work: basic concepts and terms: Textbook]. Moscow : Higher School; Academy, 32–42. (In Russ.).
6. Ivleva, T. G. (2000). Voda, v kotoroy plyvet NAUTILUS POMPILIUS [Water in which NAUTILUS POMPILIUS swims]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov* [Russian rock-poetry: text and context: collection of scientific papers]. Tver: Tver State University, Iss. 4, 126–132. (In Russ.).

7. Karasyuk, D. (2016). *Istoriya Sverdlovskogo roka. 1961–1991 goda. Ot «El'mashevskikh bitlov» do «Smyslovyykh gallyutsinatsiy»* [History of Sverdlovsk rock. 1961-1991. From “Elmashevsky Beatles” to “Semantic Hallucinations”]. Ekaterinburg : Armchair scientist, 520 p. (In Russ.).
8. Kozitskaya, E. A. (2000). Retseptsii traditsionnykh kul'turnykh mifov, «vechnykh obrazov» i syuzhetov v sovremennoy russkoy rok-poezii (na materiale tekstov gruppy «NAUTILUS POMPILIUS») [Receptions of Traditional Cultural Myths, “Eternal Images” and Plots in Modern Russian Rock-Poetry (Based on the Texts of the group “Nautilus Pompilius”)]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov* [Russian rock-poetry: text and context: collection of scientific papers]. Tver: Tver State University, Iss. 3, 184–192. (In Russ.).
9. Kormil'tsev, I. & Surova, O. (1998). Rok-poeziya v russkoy kul'ture: vozniknoveniye, bytovaniye, evolyutsiya [Rock-poetry in Russian culture: emergence, existence, evolution]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov* [Russian rock-poetry: text and context: collection of scientific papers]. Tver: Tver State University, Iss. 1, 5–33. (In Russ.).
10. Korneyeva, E. V. (2001). Sistema motivov v al'bome gruppy «NautilusPompilius» «Kryl'ya» [The system of motives in the album “Wings” of the group “Nautilus Pompilius”]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov* [Russian rock-poetry: text and context: collection of scientific papers]. Tver: Tver State University, Iss. 5, 70–79. (In Russ.).
11. Korneyeva, E. V. (2001). Sistema motivov v al'bome gruppy «NAUTILUS POMPILIUS» «Yablokitay» [The system of motives in the album “Apple China” of the group “NAUTILUS POMPILIUS”]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov* [Russian rock-poetry: text and context: collection of scientific papers]. Tver: Tver State University, Iss. 4, 132–138. (In Russ.).
12. Kushnir, A. I. (2017). *Kormil'tsev. Kosmos kak vospominaniye*. [Kormiltsev. Space as a memory.]. Moskow : Ripol Klassik, 256 p. (In Russ.).
13. Nezhdanova, N. K. (2000). Nekotoryye osobennosti khronotopa v tekstakh pesen gruppy «Nautilus Pompilius» [Some features of the chronotope in the lyrics of the songs of the group “Nautilus Pompilius”]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov* [Russian rock-poetry: text and context: collection of scientific papers]. Tver: Tver State University, Iss. 3, 193–199. (In Russ.).
14. Pugacheva, A. V. (2014). «Eti reki» Il'i Kormil'tseva: opyt interpretatsii *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov [elektronnyy nauchnyy zhurnal]* [Russian rock-poetry: text and context: collection of scientific papers [electronic scientific journal]]. Ekaterinburg; Tver, Iss. 15, 214–218. (In Russ.).
15. *NAUTILUS POMPILIUS: Vvedeniye v nautilusovedeniye* (1997) [NAUTILUS POMPLIUS: An introduction to nautilus science]. Moskow : Terra, 400 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. С. Афанасьев – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской литературы и методики её преподавания.

О. С. Моложина – независимый исследователь.

Information about the authors

Anton S. Afanasev – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Literature and Methods of its Teaching, Kazan (Volga Region) Federal University.

Olesya S. Molozhina – independent researcher.

Статья поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022;
принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted 09.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022;
accepted for publication 20.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Челябинский гуманитарий. 2022. № 3 (60). С. 26–34.

ISSN 1999-5407 (print).

Chelyabinskij Gumanitarij. 2022; 3 (60), 26–34.

ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья

УДК 80

DOI 10.47475/1999-5407-2022-10304

ОБРАЗ ГОРОДА В ПОЭЗИИ ИЛЬИ КОРМИЛЬЦЕВА

Елена Эдуардовна Никитина¹, Ольга Эдуардовна Никитина²

¹ Тверской государственный университет, Тверь, Россия, elenanik1701@yandex.ru

² Тверской колледж культуры им. Н. А. Львова, Тверь, Россия, nik-ol8@yandex.ru

Аннотация: Изучение лирики того или иного поэта невозможно без обращения к системе мотивов и образов его творчества, без анализа воплощения в его текстах архетипов и концептов. В рамках данной статьи проведено исследование образа города в творчестве Ильи Кормильцева. Материалы исследования могут послужить базой для дальнейшего исследования творчества поэта.

Ключевые слова: Илья Кормильцев, лирика, образ города.

Для цитирования: Никитина Е. Э., Никитина О. Э. Образ города в поэзии Ильи Кормильцева // Челябинский гуманитарий. 2022. № 3 (60). С. 26–34. doi: 10.47475/1999-5407-2022-10304

Original article

CITY MOTIF IN ILYA KORMILTSEV'S POETRY

Elena E. Nikitina¹, Olga E. Nikitina²

¹ Tver State University, Tver, Russia, elenanik1701@yandex.ru

² Tver College of Culture named after N. A. Lvov, Tver, Russia, nik-ol8@yandex.ru

Abstract: The study of the lyrics of a particular poet is impossible without referring to the system of motives and images of his work, without analyzing the embodiment of archetypes and concepts in his texts. Within the framework of this article, a study was made of the image of the city in the work of Ilya Kormiltsev. The research materials can serve as a basis for further research of the poet's work.

Key words: Ilya Kormiltsev, lyrics, image of the city.

For citation: Nikitina E. E., Nikitina O. E. City motif in Ilya Kormiltsev's poetry. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 3 (60), 26–34, doi: 10.47475/1999-5407-2022-10304

Для понимания творчества любого автора, для изучения мотивов и действий героев его произведений одним из важных моментов всегда оказывается то пространство, в котором эти герои существуют. Этим пространством может быть деревня, море, небо, может быть город.

Традиционно в мифологии и литературе Город существует как единство двух начал: с одной стороны, это «квинтэссенция освоенного, человеческого, пространства, одновременно обладающая противоположным, хаотическим, значением (место, где можно пропасть, раствориться без следа, обезличиться, “большой муравейник”, “чудовище, пожирающее людей заживо”» [3. С. 90]. Город часто противопоставляется деревне (или природе) как греховное пространство пространству праведному, духовному. Исходя из этого, город может либо помогать герою, быть частью его мировоззрения, либо быть его антагонистом, чудовищем, с которым борется герой.

В рамках данной статьи мы проанализируем, как воплощен образ города в лирике Ильи Кормильцева.

Несмотря на то, что к теме Города в своем творчестве И. Кормильцев обращается не так уж часто, сформированный в его лирике образ настолько принципиален, что обойти его вниманием невозможно.

Дуалистичность Города, которую обычно отмечают исследователи, в творчестве Кормильцева отсутствует: темная и светлая стороны Города становятся единой его характеристикой, положительные качества этого пространства (цивилизация, человеческое пространство, прогресс, упорядоченность) лирическими персонажами воспринимаются как угроза.

Город в поэзии Кормильцева обычно не имеет названия. Это некий абстрактный Город, иногда расширяющийся до масштабов страны, как в стихотворении «Нежный вампир». Однако в двух

стихотворениях мы видим точное наименование данного топоса. Одно из них – «Три царя» – отличается наиболее полной картиной происходящего в городе безобразия, и город назван в тексте абсолютно точно – Москва:

слева – поп с пистолетом
справа – в рясе бандит <...>

три царя на улицах темной Москвы
а на клиросе умильно спивают менты
сколько песен им петь сколько водки им пить –
не дожидаться конца тому кто просто хочет жить

три царя видят на небе звезду
черный князь проходит с охраной в кабаке
и пока вы не откажетесь лизать ему зад
все на свете будет ребята не так

Городом правит, видимо, дьявол («черный князь», если отойти от некоторых национальных стереотипов), бандиты наряжены в рясы, милиция пьянствует, и такая ситуация будет длиться вечно. Этой ситуации потакают сами горожане («и пока вы не откажетесь лизать ему зад»). Однако про жителей города поговорим чуть позже.

Второй раз мы видим Москву в стихотворении «Городской партизан». Прямо название города в нем не упоминается, но известные городские локусы (Москва-река, Останкинская башня, Храм Христа-Спасителя) дают однозначное указание на то, где происходит действие.

Почему именно Москва? Возможно, для лирических персонажей поэзии Кормильцева (а, может, и самого поэта) Москва стала квинтэссенцией цивилизации, неким символом, собирательным городом, в который стремятся люди со всех концов страны. Но они же несут туда хаос, зло, грех.

Описание Города и жизни населяющих его людей, сходное с тем, что мы видим в «Трех царях», можно найти и в других стихотворениях поэта:

на городской помойке воют собаки
это мир в котором ни секунды без драки
Бог сделал непрозрачной здесь каждую дверь
чтобы никто не видел чем питается зверь
папа щиплет матрасы мама точит балясы
под дикий рев мотоциклов детей
они смотрят программы отмеряя стограммы
когда дети приводят блядей («Рвать ткань»)

Но если в «Трех царях» акцент сделан на представителях власти (милиция, духовенство) и на криминальных элементах, то в «Рвать ткань» описана жизнь обычных людей, каждого из жителей Города.

Что же собой представляют жители Города? Они либо равнодушны друг к другу, либо друг друга ненавидят. Они не просто не замечают друг друга, не помогут, если что-то случится, они не замечают даже смерти тех, кто живет по соседству. И получается, что о людях помнят только коммунальные службы, да и то только потому, что ждут оплаты счета:

ему не скрыться от нас после смерти
пока мы помним что он наш должник
мы живем в городе братской любви («Город братской любви»)

Город до такой степени переполнен ненавистью, что она материализуется, становится фактически живым существом, перемещается по Городу, заражая его жителей:

ненависть ходит в темных очках
по улицам города, словно шпион,
заглядывает в окна,
заходит в дома («Ненависть ходит в темных очках...»)